

ЯКУНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

МОСКВА, 5 МАРТА 2016 ГОДА

При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 01.04.2015 г. №79-рп и на основании конкурса, проведенного Движением «Гражданское достоинство» (<http://civildignity.ru>)

Глеб Павлович Якунин (1934—2014)

Родился 4 марта 1934 года в Москве. Окончил Иркутский сельскохозяйственный институт. По образованию биолог.

С конца 50-х годов посвятил себя христианскому служению. В 1958—1959 годах учился в Московской духовной семинарии. 10 августа 1962 года рукоположен в сан священника в Никольский храм г. Зарайска Московской области.

В 1965 году совместно со священником Николаем Эшлиманом обратился с открытым письмом к патриарху Алексию I о положении Православной церкви в СССР и о предательстве интересов

Церкви руководством Московской патриархии. По указанию КГБ в мае 1966 года церковной властью был — впредь до раскаяния — запрещен в священнослужении.

В 60—70-е годы — деятельный участник правозащитного движения. В 1976 году — соучредитель Христианского комитета защиты прав верующих в СССР. До ареста (1 ноября 1979 года) опубликовал сотни материалов, свидетельствующих о массовом подавлении религиозной свободы в СССР и имевших широкий международный резонанс.

28 августа 1980 года осужден Мосгорсудом по статье 70 УК РСФСР за «антисоветскую агитацию и пропаганду», был узником «Лефортово» и политического лагеря Пермь-37 до 1985 года, затем — два с половиной года ссылки в Якутии. Амнистирован в 1987 году. Тогда же восстановлен патриархией в священническом служении. До 1992 года служил в Никольском храме с. Жигалово (Щелковский район Московской области). Реабилитирован Постановлением Верховного Совета РФ 18 октября 1991 года.

В 1990 году избран народным депутатом России. Был заместителем председателя Комитета Верховного Совета РФ по свободе совести. Участвовал в работе над Законом «О свободе вероисповеданий». Способствовал открытию многих храмов и монастырей.

В 1991—1992 годах участвовал в работе парламентской Комиссии по расследованию причин и обстоятельств ГКЧП, опубликовавшей архивные материалы КГБ о сотрудничестве номенклатуры Московской патриархии с госбезопасностью. По формальному основанию, а фактически за раскрытие этих архивов, защиту интересов верующих и рядового духовенства 1 ноября 1993 года Московской патриархией лишен сана священника.

Сопредседатель движения и партии «Демократическая Россия». В 1993—1995 годах — депутат Государственной думы. В 1995 году организовал Общественный комитет защиты свободы совести.

Умер в Москве 25 декабря 2014 года. Глеб Павлович Якунин похоронен на старом Пятницком кладбище Москвы.

Программа

Лев Пономарев. Правозащитник Глеб Якунин

Валерий Борщев. О Христианском комитете защиты прав верующих

Сергей Бурьянов. Право на свободу совести и его реализация в современной России

Лев Левинсон. Глеб Якунин. Путём живой церкви

Олег Морозов. Церковное диссидентство в СССР: организация и формы борьбы

Свящ. Яков Кротов. Отец Глеб Якунин — диссидент Божьей милостью или волей человеческой?

Ирина Карацуба. Глеб Якунин и Александр Мень.

Елена Волкова. «Правозащитное движение давно у власти образует жжение»: теопоэтика отца Глеба Якунина

Пономарев Лев Александрович

Правозащитник, член Московской Хельсинкской группы, исполнительный директор и член совета Движения «За права человека». ООД «За права человека» объединяет свыше 120 региональных организаций.

Инициатор создания и один из основателей всероссийского общества по увековечиванию памяти жертв политических репрессий «Мемориал» (1989).

В 1989 году был доверенным лицом Андрея Дмитриевича Сахарова на выборах народных депутатов СССР.

В 1989—1990 годах — активный участник предвыборных выступлений и массовых ненасильственных акций демократов. Один из основателей Общероссийского политического движения «Демократическая Россия».

В 1990—1995 годах — депутат Верховного Совета РФ и Государственной Думы РФ.

В 1997 году — инициатор создания «Горячей линии» и движения «За права человека».

Инициатор создания и один из активнейших членов группы «Общее действие», объединившей виднейших представителей российского правозащитного сообщества.

На смерть моего друга Глеба Якунина

За 25 лет нашей дружбы я никогда не видел с его стороны злобы, агрессии. Даже в отношении своих оппонентов он был терпелив и снисходителен и считал, что они могут измениться, что они просто чего-то не понимают.

Он был полностью посвящен служению обществу и жил как будто бы вне быта. Своей непосредственной реакцией на события и на людей он напоминал ребенка — ему всегда было интересно, любопытно. Он, например, не мог пройти мимо книжного киоска — обязательно смотрел, что там продается. Он вообще был любопытен к жизни. И остался таким до самого конца.

Несмотря на светлое отношение к жизни, его природную доброту, он был тверд в своих взглядах. Именно поэтому в 76-м году он создал «Христианский комитет защиты прав верующих в СССР», который защищал верующих всех конфессий. За это он провел пять лет в лагере и годы в ссылке.

Для верующих уныние является грехом. И в этом плане Глеб Якунин был безгрешен. Я никогда не видел уныния на его лице. Последние полгода дались ему очень тяжело. Из-за болезни у него практически парализовало руки. Но он никогда не поднимал эту тему в разговорах и очень не любил это обсуждать.

У него были очень сложные отношения с Московской патриархией. С приходом 90-х годов он стал депутатом Верховного Совета РСФСР, а потом первой Госдумы. И дух свободы, пришедший в страну, он хотел распространить и на православную церковь. Но его порыв там не был понят и принят. Более того, в 93-м году его лишили сана и в 97-м году предали анафеме. Он был обвинен в попытке раскола православной церкви.

Вокруг него сплотились сотни сторонников. Он был признан священником Украинской автокефальной церкви и создал свою церковь в России. Ему не дали ее зарегистрировать, и она существует в виде общественной организации. Именно эта церковь канонизировала отца Александра Меня, с которым Глеб был дружен с юности — они вместе заканчивали ВУЗ в Иркутске, а в семинарии жили в одной келье. Он выступал за то, чтобы в православной церкви авторитарно-имперский принцип был заменен на принцип союза свободных общин. На этих принципах основана протестантская церковь, поэтому сам про себя Глеб говорил: «Я такой маленький Мартин Лютер». В отношении Московской патриархии он считал, что она устроена жестко авторитарно, по лекалам, начертанным Сталиным и Берией, и должна вернуться к идеям Собора 1917—1918 годов.

Мне будет очень не хватать Глеба. Но очень надеюсь, что дело, которому отец Глеб Якунин посвятил всю свою жизнь, будет продолжено его последователями.

Борщев Валерий Васильевич

Правозащитник и журналист, член Московской Хельсинкской группы, сопредседатель Ассоциации независимых общественных наблюдателей по проверке мест принудительного содержания России, председатель правления Фонда «Социальное партнерство», член научно-консультативного совета при Генеральной прокуратуре России, руководитель секции правоохранительных органов экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, член Общественной наблюдательной комиссии Москвы, руководитель Общественного комитета по расследованию смерти Сергея Магнитского.

Активным участником правозащитного движения стал после знакомства с Андреем Дмитриевичем Сахаровым в 1975 году. В 80-е работал в Фонде Солженицына, организовывал помощь политзаключенным и их семьям.

В 1990—1993 годах — депутат Моссовета, председатель Комиссии по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности. Один из начинателей христианско-демократического движения.

В 1994—1999 годах — депутат Государственной Думы, член фракции ЯБЛОКО. Был заместителем председателя Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций, членом Комиссии Государственной Думы по проверке фактов нарушений прав подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах и изоляторах временного содержания системы МВД России.

Смерть отца Глеба — это уход целой эпохи. Я знал его почти 40 лет. Мы с ним познакомились в 1975 году, он тогда создал Комитет защиты прав верующих, тогда это была острейшая проблема. Я с ним участвовал в деятельности этого комитета. И меня поражала удивительная чистота отца Глеба, энергичность, оптимизм в самое тяжелейшее время. Александр Исаевич Солженицын написал об отце Глебе в письме патриарху Пимену, что вот человек, который ставит главные проблемы церкви, общества, и что он запрещен в служении, что гонение церкви на него просто преступно, но это письмо не изменило положение отца Глеба, он был запрещен к служению. Но держался он очень мужественно. Вокруг него собирался народ, он умел объединить людей, и люди шли за ним. А потом был лагерь. Я к нему приехал в 1984 году, буквально на следующий день, как только он вышел из лагеря, в Якутию. Там был декабрь, жуткий холод, унылая природа. А он и там был оптимистичен, энергичен. И я поразился его мужеству и энергии. А вернувшись в Москву в 1987-м, он тут же начал актив-

ную деятельность. Я поражаюсь этому человеку! Я поражаюсь тому, что он сделал, его роли в жизни общества, церкви. И то, что патриархия так и не восстановила его в служении, это суровый укор ей, история будет помнить это. История будет помнить отношение к отцу Глебу, к этому выдающемуся человеку, которым может гордиться Россия, должна гордиться церковь, должно гордиться российское общество. И я горжусь, что я был связан с этим человеком. Я благодарен судьбе, что она меня с ним свела, и боюсь, что таких людей еще очень долго не появится. Упокой, Господи, душу усопшего раба Божия Глеба.

Левинсон Лев Семенович

Журналист и правозащитник, эксперт Института прав человека, руководитель программы «Новая наркополитика».

Правозащитной деятельностью занимается с 1991 года.

В 1991—1995 годах — помощник народного депутата (затем депутата Госдумы) Глеба Павловича Якунина.

В 1996—1999 годах — помощник депутата Госдумы Валерия Васильевича Борщева.

С 2000 до 2003 год — помощник депутата Госдумы Сергея Адамовича Ковалева.

В 1995 году совместно с Глебом Павловичем Якуниным организовал Общественный комитет защиты свободы совести.

С 1996 года — ответственный секретарь постоянной палаты по правам человека Политического консультативного совета при Президенте России. После ее расформирования в августе 2000 года — консультант Правозащитного центра «Мемориал», эксперт Института прав человека.

Участвовал в работе над проектами законов «Об альтернативной гражданской службе», «О моратории на исполнение наказания в виде смертной казни», «Об общественном контроле за обеспечением прав лиц, находящихся в местах изоляции» и других. Автор многих статей и составитель сборников по различным правовым и правозащитным проблемам.

Воспоминания

— Когда его посадили, я еще маленьким был. Можно сказать, знал его заочно: собирали ему посылки в Ыныкчан.

— Посылки в какой среде собирали?

— В диссидентской. И в церковной. Когда Глеб вышел на свободу, подмосковный митрополит Ювеналий дал ему приход возле Щелково, в селе Жегалово, вторым священником.

— В то время не было уже ограничений на место жительства?

— Жил-то он в Москве, но служить в столице ему не дали. Вот под Москвой спокойное место, Жегалово. Через месяц после того, как он туда пришел, там оказался я.

Времена были другие, меня взяли в штат. Я там проработал четыре года. С Глебом мы быстро нашли общий язык. В 1990 году он стал депутатом Верховного Совета и очень меня звал пойти к нему работать.

Но у меня никакого интереса к политике не было. Мне было интересно общаться с ним как с личностью, неординарным священнослужителем. Но идти в Верховный Совет!..

Я не пошел. Он покинул Жегалово, где его еле-еле терпели (кстати, ушел он все-таки вполне мирно). Политических проповедей он там не произносил. Просто был неприятен всей той кофле. Через месяц ушел и я.

К тому времени я уже был совершенно нерелигиозным человеком. До сих пор хорошо отношусь к институту церкви как душепопечительному, хотя, конечно, он может быть разным. Как, скажем, психиатрическая больница может быть мягкой, полезной клиникой.

Кроме того, церковь значима как некая культурная ценность. Я ни в коем случае не хочу это сбрасывать со счетов. Но, работая в церкви долго, я, как ни парадоксально звучит, стал совершенно неверующим человеком, каковым и сейчас остаюсь.

Лет с 13 до 20 я все соблюдал, прочитал всех святых отцов, каких только было можно, — греческих, российских, вплоть до Игнатия Брянчанинова. Все законспектировал. Одно время я даже вел неофициальные курсы — «Устав церковной службы», нескольких нынешних священников выучил богослужебной науке — литургией называется.

Но времена менялись, церковь становилась государственным институтом, по крайней мере, стала претендовать на это, и тут же была заключена в объятия власти. Это мне претит. Нет, я ни с кем не ссорился, меня ценили как специалиста, который любую службу может спасти, даже если хор не придет, и к Пасхе подготовить храм за полчаса.

— Так что же стало решающим толчком к твоему уходу?

— Наверное, когда вышел фильм «Иисус» — или «Иисус из Назарета»? — совершенно дебильный фильм, по-моему. Он шел во всех кинотеатрах Москвы и в Щелково (это рядом с церковью, где я работал) — восемь сеансов в день.

В церковь позвонила директор кинотеатра и говорит, мол, батюшка уже выступал, не могли бы теперь Вы выступить перед сеансом? Меня это покорило. Я понял: все, времена изменились. Выступить я не стал. И вскоре после этого смылся оттуда.

— Отец Глеб — глубоко верующий человек?

— Да. Но абсолютно не догматичный, очень свободомыслящий. Он верующий, но его вера совершенно не подчинена никаким оковам, условностям. Он никаких постов не соблюдает, откровенно.

— И прихожанам говорит?

— Нет, не говорит. То есть говорит тем, кто способен это услышать. Что он, бабушке будет говорить? Он очень правильный в этом смысле. В нынешней политике ему места нет. да и тогда, в начале девяностых, он, думаю, во многом ошибался. Не хочу его идеализировать, хотя очень уважаю.

Священник Глеб Якунин

ЮБИЛЕЙНОЕ ПОСЛАНИЕ ЛЬВУ ЛЕВИНСОНУ — СВОБОДЫ СЫНУ

Поэтическое подношение

Твой юбилей, о Лев, и небеса отметили —
от них пасхальный дар тебе
в пятидесятилетие.
В великий день поэтому
и о тебе поем,
большое юбилейство
мы празднуем твое.

* * *

Борясь за право,
ты держался крепко правды
в прошлом веке,
но в новом вдруг явился некто — некий,
и попытался развернуть страны историю,
но планы наши этим не расстроены.

* * *

Как ни были б желания ретивы,
нет ясности — какие перспективы?
Но при любой раскладке
Мы не играем в прятки.

* * *

О, юбилярный Лев!
Душою за Россию заболел,
ты заработал дар, призванье,
чтоб добиваться прав признанья.
И до победы довести
великую свободу из свобод:
свободу со-вес-ти.

5 мая, Пасха 2013 г.

Кротов Яков Гаврилович

Священник Харьковско-Полтавской епархии Украинской автокефальной православной церкви (обновленной). Историк Церкви и русского провинциального дворянства.

Крещен в 1974 году протоиереем Александром Менем, им же венчан

До 2009 года преподавал историю Церкви в Общедоступном православном университете, основанном протоиереем Александром Менем.

В 1991—1995 годы был внештатным катехизатором и алтарником в Церкви святых Космы и Дамиана в Шубине (Москва).

Печатался в 1991—1999 годы в «Московских новостях», «Итогах», «Общей газете».

В 1991—1998 годах вел церковную рубрику в газете «Куранты». Автор ряда исторических очерков и эссе.

В 1996—2002 годах был одним из организатором и прихожан «межконфессиональной общины», объединившей православных и католиков, в которой совершал службы по православному обряду ксендз Стефано Каприо.

В 1997 году создал сайт «Библиотека Якова Кротова», где размещены очерки об истории человечества и о христианской вере, справочно-библиографические материалы по истории и религии, а также тексты по истории и теологии.

В 1997—2003 годах вел радиопередачи на «Радиоцеркви» (ныне «Радио Теос»). С 1997 года ведет программу «С христианской точки зрения» на «Радио Свобода».

3 ноября 2002 года был рукоположен в сан диакона, а 10 ноября — в сан священника. Создал общину во имя Сошествия Святого Духа на апостолов и является ее настоятелем.

14 марта 2007 года принят в число клириков Харьковско-Полтавской епархии Украинской автокефальной православной церкви.

Памяти отца Глеба

Умер не только отец Глеб Якунин. Вместе с ним умерла та Русская Церковь, которая не рвалась к власти, которая умела не только стоять за веру, но и сидеть за свободу веры — любой веры, своей и чужой в равной степени, умерла Церковь невысокая, Церковь с посттравматическим синдромом. Осталось жить что-то странное, гордо именуемое себя русским православием. Это как бы русское как бы православие, которое символически убило отца Глеба за двадцать лет до его физической смерти, на антихриста, конечно, не тянет, слишком мелкотравчатое, а похоже оно на ящерицу, у которой антихрист оторвал хвост. Ящерица убежала, а хвост отрастил себе новую ящерицу — и вот отец Глеб это ящерица без хвоста, а проклявшая его Церковь это хвост с фальшивой ящерицей.

Умер вместе с отцом Глебом Якуниным и отец Александр Мень. Он, конечно, умирал с каждым своим другом, с каждым своим прихожанином и с каждой прихожанкой, умершими за эти годы, но вот с отцом Глебом как-то особенно ощущаю и, кажется, в последний раз. Потому что друзья и прихожане продолжали дело отца Александра Меня, а отец Глеб продолжал, извините, «тело». Церковь она же ведь именно тело, организм — и оба друга недаром же сошлись на почве биологии, для них Бог был прежде всего творцом не черных просторов космоса, а тел — больших и малых, беспозвоночных и панцирных, и всякое духовное не может не преобразовать тело. Нельзя вычлени-

отца Александра Меня из церкви отца Глеба Якунина и наоборот, только вместе они составляют тело Христа, и Христос лишь вместе с ними Тело, а вот без стукачей и подонков Христос обойтись может, хотя и их как-то в Себя втягивает.

Более того: может быть, в Теле Церкви именно дело отца Глеба Якунина, а не отца Александра Меня — наиболее важно. Потому что дело отца Александра Меня — создание «среды», которая могла бы самовоспроизводиться, жить и творить. Социальное дело. Большое дело! Чтобы не повторялись сталинские годы, когда и Мень, и Якунин, и любой верующий был одинок безмерно. Ради этой «среды» многим жертвовалось, причем из своего, не из чужого — потребность в честности, справедливости, диалогичности (не путать с открытостью, явлением довольно эгоистическим и потому не имеющим иммунитета к конформизму). Дело же отца Глеба Якунина — ужасно маленькое, размером с одного-единственного человека. Не среда, а суббота. Не церковь, а тот самый самовар с вареньем, который воспевал Розанов. Вот всему миру провалиться, но чтобы самовар был начищенный и варенье не засахаренным, иначе Бог злодей и подлец.

Наследие отца Александра Меня оказалось неустойчивым к фальсификации, к подмене — подмене открытости слащавостью, подмене церковности — патриархийщиной. А наследие отца Глеба Якунина не то, чтобы устойчивое, а просто нечего фальсифицировать и подменять. Ну, вера. Ну, честность. Ну, справедливость. Это все такое какое-то маловажное, бытовое, не превращающееся в великую традицию, в социальную новацию и революцию. Отец Глеб спокойно называл себя реформатором, но меньше всего он был реформатором социальным, пытающимся произвести что-то общественно полезное. Просто подмести избу, сор в мусорку, соль в солонку, сахар в сахарницу — и молитву и водочки с сальцем перед трапезой, во время и после.

Социальным институтам такие реформы не нужны, такое людям нужно. Кстати, такое и католикам с протестантами — как социальным явлениям — тоже не очень-то нужно. А вот каждому отдельно взятому за живое человеку только такое и нужно — вера, которая проходит в дверь квартиры, Церковь, которая, если и упадет, не придавит и не разобьется, Бог, Который не идол и не подстилка, а случайный гость, которого нужна задержать любой ценой. И теперь, когда уже отец Глеб — в вечных гостях у Бога, нам продолжать в пустыне деспотизма готовить чаепитие с Творцом и в степи милитаризма готовить домашнее задание мира и свободы, завещанное отцом Глебом и Отцом Богом.

Карацуба Ирина Владимировна

Кандидат исторических наук, специалист по истории церкви.

В 1982 году окончила исторический факультет МГУ и поступила в аспирантуру истфака МГУ. В 1986 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Россия последней трети XVIII — начала XIX в. в восприятии английских современников».

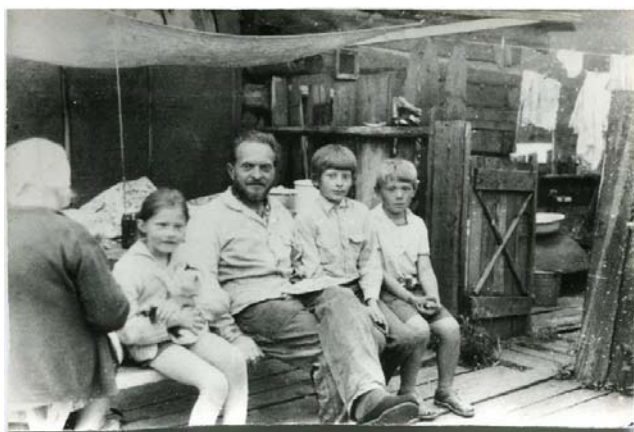
В 1988—1994 годах работала в Московском государственном историко-архивном институте (с 1991 — РГГУ) ассистентом, затем старшим преподавателем кафедры отечественной истории древнего мира и средних веков.

С 1994 года работает на факультете иностранных языков МГУ старшим преподавателем, а с 1997 года — доцентом кафедры межкультурной коммуникации (с 2002 — региональных исследований).

За двадцать лет педагогической деятельности Ирина Владимировна читала множество общих и специальных курсов по отечественной истории и культуре IX—XX вв., восприятию России на Западе, русскому миру в контексте европейской цивилизации, русско-британским культурным взаимосвязям, запискам иностранцев о России — на русском и английском языках.

Опубликовано 36 научных работ.

50 лет назад, в конце ноября 1965 года, священники русской православной церкви Глеб Якунин и Николай Эшлиман обратились с открытым письмом к Патриарху Алексию I. Чуть позже этот текст был размножен и разослан правящим архиереям Московского Патриархата. В декабре 1965 года копии письма были направлены Председателю президиума Верховного Совета СССР Николаю Подгорному, Председателю Совета Министров СССР Алексею Косыгину и Генеральному прокурору СССР Роману Руденко.

В 1972 году писатель Александр Солженицын писал в великопостном письме Патриарху Пимену: «Вот уже седьмой год пошел, как два честнейших священника, Якунин и Эшлиман, своим жертвенным примером подтверждая, что не угас чистый пламень христианской веры на нашей родине, написали известное письмо Вашему предшественнику. Они обильно и доказательно представили ему то добровольное внутреннее порабощение — до самоистребления, до которого доведена Русская Церковь: они

просили указать им, если что неправда в их письме. Но каждое слово их было правда, никто из иерархов не взялся их опровергнуть. И как же ответили им? Самым простым и грубым: наказали, за правду — отвергли от богослужения».

Письмо священников Глеба Якунина и Николая Эшлимана имело ошеломляющий эффект, пишет Радио Свобода. Оно потрясло не только священников, многие из которых мысленно соглашались со всем изложенным, но не решались об этом сказать во весь голос. Речь шла о вмешательстве государства в жизнь церкви. Незадолго до своей кончины в интервью французскому журналисту Николя Милетичу Глеб Якунин (член Московской Хельсинкской Группы) так вспоминал об этом:

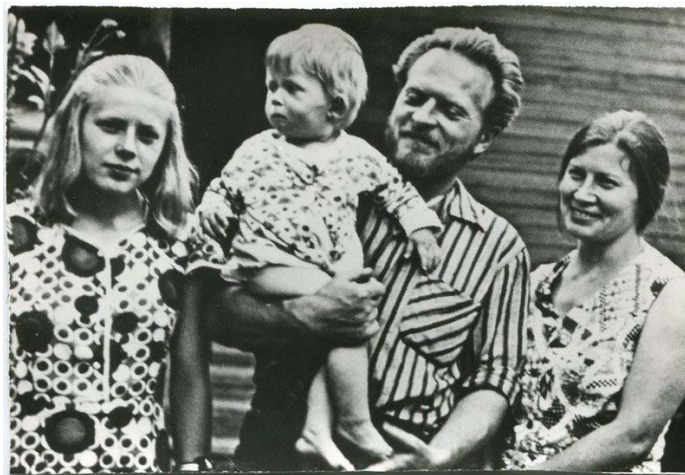
— Когда мы написали письмо, не только все епископы, даже келейник Никодима мне говорил потом, что Никодим принес письмо и говорит: «Ой, какие молодцы... какие молодцы ребята, написали письмо». Это была всеобщая поддержка нас. И священники там, как говорится, консерваторы и либералы, все нас поддержали. Потому что это письмо защищало, как говорится, состав всей церкви, интересы всей церкви.

Протоиерей Вячеслав Винников вспоминает, что в церковной среде письмо активно обсуждалось, хотя нигде, разумеется, опубликовано не было. Между собой Якунина и Эшлимана называли героями:

— Когда я был алтарником в Хамовниках, подошли батюшки и спросили, читал ли я письмо? Я сказал, что читал. Они назвали этих двух священников героями.

Под открытым письмом стояло всего лишь две подписи, хотя могло быть их значительно больше. Член Московской Хельсинкской Группы, протоиерей Георгий Эдельштейн, тогда еще не священник, а аспирант педагогического института, был одним из тех, кто начинал работу над текстом письма:

— Задумывал письмо не я. Я был только техническим исполнителем. То, что подписали и послали патриарху эти два человека — это их письмо. Отец Николай говорил: «А вот у нас регистрируют крестины, а это незаконно. Вот давайте, Юра, как-то это сформулируем». Или: «Совет по делам сначала РПЦ, потом Совет по делам религий командует и нашими епископами, и нашим патриархом. Это незаконно. Церковь отделена от государства и, естественно, внутренняя жизнь церкви должна быть независимой. Поставление епископов не должно зависеть от Совета по делам религий. Церковные требы, крестины, венчания, отпевания, причащения на дому не должны зависеть от уполномоченных Совета по делам религий». Мы написали примерно половину письма, когда Глеб Якунин привел Феликса Карелина и Льва Регельсона. Потом пришел Виктор Капитанчук. Они раскритиковали все, что было написано до них».

Активное участие в работе над письмом принимал и Александр Мень. Однако его подписи под письмом в конечном итоге не оказались. Отец Александр неоднократно объяснял свою позицию. Историк религии Ирина Карацуба дает этому несколько иное объяснение, анализируя ситуацию из дня сегодняшнего.

— Путь отца Александра другой. У него путь прихода. Путь разговора с властью не по вертикали, а по горизонтали. Отец Александр Мень боролся за здоровый приход, на что отец Глеб Якунин ему ответил, что у больной церкви не может быть здоровых приходов. Я бы сказала, что в перспективе правда тут, скорее, на стороне отца Глеба Якунина. И как раз послеперестроечная история прихода самого Александра Меня, включая сегодняшние дни, показывает, что действительно в больной церкви здоровых приходов не бывает.

Независимый эксперт по вопросам культуры и религии Елена Волкова отмечает — несмотря на то, что за полвека взаимоотношения церкви и государства изменились, многие тезисы, высказанные Глебом Якуниным и Николаем Эшлиманом в 1965 году, до сих пор актуальны:

— Обращает на себя внимание призыв авторов нарушить узы греховного молчания. Замечательна сама формулировка — «узы греховного молчания». И разбор тех оправданий несвобод или оправданий молчания, к которым прибегали священники в то время. Они, как ни удивительно, сегодня их повторяют. Например, в письме написано: «Кроме ложных помыслов о «спасении» Церкви, бытует среди русских пастырей и другой соблазн, поражающий в основном пастырей приходских. Многие хорошие и деятельные священники, видя бедственное положение Русской Церкви и тягостное безмолвие архиереев, искренно сокрушаются об этом, но тем не менее сами пребывают в молчании, успокаивая свою совесть тем,

что стараются сделать многое для насаждения и поддержания доброй христианской жизни в своих приходах.

Эти священники, к несчастью, забывают, что Церковь есть единый организм — Тело Христово и что если, по слову Апостола Павла, болезнь одного члена есть вместе с тем и болезнь всей Церкви, то тем более болезнь всей Церкви есть и болезнь каждого Ея члена. На этот счет не приходится обманываться — в больной Церкви не может быть здорового прихода. Не может дерево злое приносить плоды добрые.

Историки и религиоведы называют письмо Глеба Якунина и Николая Эшлимана исторической вехой. По их словам, хотя письмо и осталось без ответа того, к кому было обращено, все же оно оказало влияние на многие умы. Историк Ирина Карацуба отмечает возникшее впоследствии такое явление, как священники-диссиденты:

— Мне кажется, что письмо Якунина и Эшлимана нельзя воспринимать отдельно от контекста. Этот контекст очень слабо изучен. Лично мне, когда я думаю о письме Эшлимана и Якунина, прежде всего, вспоминается письмо Чаадаева 1837 года, которое Герцен назвал «крик боли и отчаяния, выстрел, раздавшийся в глухую ночь». То же самое можно сказать и про письмо Якунина и Эшлимана. История РПЦ показала, что священноначалие и церковь эти письма не расслышало. И в итоге все закончилось панк-молебном 21 февраля 2012 года. Это уже не письма с призывом обновиться. Очевидно, эта система к обновлению не способна и уйдет вместе с той властью, которая ее породила. А это уже обличающий крик — жест юродивого. Это уже совсем другой разговор и другая тональность, которая ставит некоторую точку в истории этого спора, конфликта. И возвращает нас опять же к блестящей плеяде, вышедшей на сцену после этого письма и вместе с ним, священников-диссидентов, верующих диссидентов. Это Николай Эшлиман, отец Глеб Якунин, отец Георгий Эдельштейн, Николай Гайнов, это Борис Талантов со своими товарищами, Александр Огородников, Лев Регельсон, Феликс Карелин, Зоя Крахмальникова. Вот мы должны помнить о них, как и о всех тех, кого я включаю в понятие русского сопротивления. Потому что история России это не только история тоталитаризма, деспотизма, сталинщины и людоедства. Это история борьбы и сопротивления христианского, — считает Ирина Карацуба.

За подписи, поставленные под открытым письмом, Глеб Якунин и Николай Эшлиман заплатили запрещением в служении. Якунин еще и годами ссылки и лагерей. В чем же был главный посыл открытого письма? Говорит протоиерей Георгий Эдельштейн:

— Для меня самое главное, что это было письмо, которое оба священника отец Николай Эшлиман и отец Глеб Якунин подписали своими именами, указали храмы, в которых они служили. Им долго рекомендовали, настойчиво рекомендовали, чтобы они имена даже не называли. Но самое главное, они настаивали, что нужно говорить правду. А как можно говорить правду в каком-то подметном письме? Вот то, что они потребовали себе право на правду, я думаю, что это самое главное, что было в этом открытом письме 50 лет назад. Ведь до сегодняшнего дня члены РПЦ не имеют право на правду. Никто! Попробуйте вспомнить хотя бы одного человека, одного члена церкви, который имеет право на правду? Миряне, прихожане не имеют такого права. Священники не имеют такого права. Епископы не имеют такого права. Патриархи все, вплоть до ныне здравствующего, право на правду не имеют. А вот Николай Эшлиман, Глеб Якунин потребовали себе в советское время право на правду. Я думаю, что это самое главное и историческое значение этого письма».

«Мы выполняли императив нашей совести, — говорил спустя много лет в эфире Радио Свобода священник Глеб Якунин. — И мы на тот момент писали в надежде действительно, что если мы уж не перевернем всю ситуацию, чтобы Церковь могла действительно освободиться от ига государства и возродиться, то, по крайней мере, сделать попытку этого».

Волкова Елена Ивановна

Доктор культурологии, кандидат филологических наук. В 1981—2011 годах преподавала на факультете журналистики и факультете иностранных языков и регионоведения МГУ, последняя должность — профессор кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур. Независимый эксперт по религии и культуре.

Окончила филологический факультет МГУ в 1981 году по специальности «Романо-германская филология, преподаватель английского языка и литературы». Тема докторской диссертации — «Сюжет о спасении в русской, английской и американской литературе (С. Т. Кольридж, В. Ирвинг, А. С. Пушкин, Э. А. По, А. Белый и др.)». В МГУ читала курсы по истории зарубежной литературы, истории английской, американской и русской литературы (на английском языке), сравнительному литературоведению и культурологии.

Преподавала в Московской духовной семинарии и академии (курсы «История англиканской церкви», «Христианство и английская литература» на английском языке, 2002—2006).

Составитель сборника поэзии Глеба Павловича Якунина «Богу служение — стихосложение».

Священник Глеб Якунин

Завещание

Тем, кто будет класть меня в гроб,
Я завещаю, чтоб
Не облачали
Меня в иерейские
Ризы,
В почти ливрейские,
В которых не обличали,
Служили без риска,
Кады и кладя
Не перед Богом, перед властями,
Поклоны с изыском (низкопоклонно).

Но душу мою облегчите —
Тогда меня облачите
В Зекову робу
Грубую.
В родной спецодежде
Одной лишь надежде
Предам себя, когда пойду в

утробу
Гроба я.

Нет у меня святых орденов —
Ни великого князя Владимира,
Ни преподобного Сергия,
Которых дают за усердие
В разной степени.

Но ты, Господи, тогда меня
Помяни,
Одинок
Ордерок —
Бирку с именем увидав на моей
Груди.

Ты возвел меня сам
В высший — зековый сан,
Царством Божиим награди.

Ыныкчан, Якутия

В день освобождения из-под стражи по прибытии в ссылку. 20 ноября 1984 г.